

Дмитрий Тиманович

Дар

я ален, сын кристофера. сегодня я умру.

...сон ускользает, тает, как туманная дымка, скоро я забуду его. я стою перед зеркалом и вижу своё отражение, тёмное лицо, волосы, чёрные как смоль; мой потусторонний двойник смотрит на меня с насмешкой из мутной алебастровой бездны. в ней я читаю свою судьбу, слова рдеют, как угли, обжигая разум, двойник беззвучно смеётся, и - что страшнее всего - лицо его начинает плыть, изменяться, сквозь мои черты проглядывают роланд и катберт с мёртвыми глазами, зеркало лопается, как мыльный пузырь, я закрываю лицо руками и -

просыпаюсь.

Я лежу в темноте, до рассвета ещё полчаса. Мы встали на постой на небольшом хуторе; местные фермеры неохотно пускают к себе, чувят, куда дует ветер, заставить же мы их не можем, мы - последние из Гилеада. Люди Фарсона повсюду, разведчики говорят, что до них день пути. Они медленно, но верно гонят нас к морю, сжимая в тиски; иногда - уже совсем редко - я не могу понять, как же это случилось.

Я лежу и вспоминаю Меджис, высокую траву на Спуске, самокрутки, от которых саднило горло, бойню в пустоши под Демонической Луной и вой червоточины; я вспоминаю тот день, когда Роланд стал чужим. На время я потерял его в вечной ночи *тодэша*, в розовом вихре, в забвении, таящем смерть. А когда нашёл, вместо друга осталась лишь оболочка, пустой глиняный кувшин, давший трещину. Но мы были юны, и горечь поражений последних лет ещё не смыла вкус первой победы с наших губ. Мы разбили врага и захватили кристалл; и на пути домой, в сияющий, нетронутый тлением Гилеад, мы уповали на знание старших и молились богам.

Всё обошлось, Роланд вернулся, но не весь: часть него растворилась в вихре, а сердце его теперь принадлежало Башне. Впрочем, это было неважно, мы любили его и делили с ним *кхеф*, как прежде.

Потом был бал, выстрелы и смерть. Злая старуха *ка*, скажете вы? И да, и нет. Только потеряв всё, что имел, можно полностью отдать себя Башне. Или сломаться, как сухой камыш на ледяном ветру, но это не про стрелка. Роланд отдалился от нас, хотя внешне почти не изменился; только глубже залегли складки в углах рта, да в глазах стало меньше синевы.

А с востока на Гилеад надвигалась лавина, несущая огонь и кровь, феоды сгорали в пламени войны, как спички, хаос нарастал. Машины Великих Древних так и остались ржаветь в ангарах, в лесах, среди болот и горных ущелий, но - как оказалось чуть позже - Доброго Человека уже было не остановить. Разрушались Лучи, чума расползлась по некогда плодородным землям, ткань реальности истончалась, время замедляло бег, чтобы ускориться; я чувствовал дрожь земли, чувствовал... сердцем? Я не знаю.

Насколько себя помню, я всегда был другим. Отец понял первым, Ванней сразу увидел это, а до того никто и не думал обо мне так.

Отец рассказывал мне, что когда мне не было и года, весной случилась страшная гроза. Я расплакался, и меня было не унять, мать тщетно баюкала меня на груди, пела мне колыбельную; я помню её до сих пор. Мы были дома одни, и она вынесла меня из детской, чтобы дать воды, спустилась вниз, зажгла свечу. Огонь отразился в тёмном окне, и его двойник сошёл с небес, ударив во флигель, где я обычно спал. Флигель выгорел дотла, часть дома удалось спасти; никто не погиб.

Ещё один случай произошёл, когда мне было три года. Я уже говорил, правда, мало и медленно, что огорчало мать; отец же улыбался в усы. Мужчина должен быть молчалив, говорил он, и мать тоже поневоле улыбалась. Стояла поздняя осень, озеро только покрылось льдом, и у берега он таял, открывая полоску чёрной воды. Деревья уже облетели, ветер был порывистым и влажным, в воздухе пахло свежим снегом и тленом. Как-то в ночь лёд окреп, и старший брат - ему стукнуло семь - решил с утра пораньше сбежать на озеро, покататься на коньках. Он встал на них в прошлом году и не мог дожидаться зимы. Я проснулся раньше него и ждал, пока он пройдёт мимо кровати, а потом вцепился ему в икру, как клещ. И держал до тех пор, пока на шум не прибежал отец; брату досталось, а от меня никто не мог добиться ни слова. Через неделю в соседней деревне хватились охотника, который как раз в то утро отправился проверить силки и решил срезать путь через озеро. Его не успело отнести далеко; лёд разбили баграми и выловили труп. Брат смотрел на его посиневшее, раздутое лицо и плакал. Я не плакал, ведь брат остался жив.

В третий раз уже мне самому было семь. Приближался Праздник Жатвы, время грусти по ушедшему лету и радости от нового урожая. Земля в тот год щедро дарила людям свои плоды; на полях колосилась пшеница, в садах наливались яблоки, озеро кишело рыбой, а летние дни были долгими и тягучими, как смола; мы с братом убежали на дальний плёс и часами валялись на солнце, и облака казались нам Хранителями из той колыбельной, которую уже пели другим, не нам. Брат приехал домой на каникулы, он уже два года учился на подмастерье и кое-чего достиг; отец дважды проверял его в начале лета: первый раз он метал ножи, второй - в одиночку провёл неделю в лесу. Отец поворчал для порядка, мол, брат не выжил бы там зимой, но остался доволен; его скупая похвала была для брата важнее, чем улыбка матери, которую он не видел с прошлого праздника урожая. Он рассказывал мне о Гилеаде, о Зале Предков (Большом Зале, как называли его мальчишки), о Кортте, матёром убийце в шрамах, который выучил не одно поколение стрелков. Тех же, кто не прошёл испытание, изгоняли на Запад, и не было кары страшнее: брат говорил о ней шёпотом, а я словно наяву видел башни и флаги древней столицы, ждавшей меня в мареве летнего дня, в десятках колёс на юг.

Лето катилось к закату, и наконец пришло время торжества. Урожай собрали, первый хлеб испекли, сварили первое пиво, в коптильнях томилась форель. Деревенская ярмарка с загадками была не чета столичной, но веселье лилось через край, как и грёф, и пляски продолжались до утра. На следующий день отец собрал гостей на просторной веранде, глядевшей на восток; уже полетели паутинки, вечера стали холодными, и кто-то сказал, что утром на траву ляжет иней. Зажгли фонари, расставили блюда с форелью, овощным рагу, зеленью и сыром, разлили по бокалам вино, мне в воду добавили немного грёфа. Я сидел по правую руку от отца, рядом с братом, мать - по левую, а всего за столом было человек тридцать: отец позвал и местных, и своих старых друзей, приехавших издалека. Разговоры смолкли, отец взял в руки бокал старинного хрусталя, полный рубиновой влаги, окинул взглядом стол, встал, чтобы сказать тост. Вдруг уши мне заложило, а

фонари потускнели; я видел всё вокруг как сквозь мутное стекло, людские лица расплылись и стали бессмысленными, отблески света окрасили их кровью, запах вина (*крови*) стал нестерпимым, и я, не помня себя, встал и пошёл вперёд; никто не заметил, как я поднялся с места, только брат понимающе усмехнулся и стал дальше слушать отца. А тот уже заканчивал тост во славу урожая, гости подхватили последние слова, но я ничего не слышал; шёл и шёл вперёд на негнущихся ногах, и, когда отец уже подносил бокал к губам, я рванулся к нему, время растянулось, а дальше была темнота.

Очнулся я наутро в своей постели. Хотелось пить, голова сильно болела, но в то же время она была лёгкой и звонкой, как осенний лёд в ручьях. Брат пробрался ко мне в комнату и рассказал о том, что случилось вчера. Я выбил бокал из отцовской руки, и хрусталь разлетелся вдребезги, а вино пролилось на дощатый пол. Вечер был испорчен, тем более что меня никак не могли привести в чувство. Гости посидели с полчаса и разъехались, обещав быть сегодня в обед - не пропадать же еде. Меня наверняка ожидала порка, прятаться не имело смысла; пока все спали, мне пришла в голову странная мысль - вернуться на веранду. Я никак не мог от неё отделаться, брату было всё равно, и мы на цыпочках прошли длинный коридор, спустились по витой лестнице и миновали столовую, где в портьерах залегли тени; дверь тихо скрипнула, и мы выбрались на улицу. Стол не стали убирать на ночь, и теперь он угрюмо маячил в утреннем тумане; а у торца, там, где пролилось вино, темнела какая-то грудка. Мы подбежали к ней, и кровь застыла у меня в жилах: это была одна из отцовских борзых, уже успевшая одеревенеть. Глаза её подёрнулись плёнкой, лапы застыли в последнем прыжке, язык вывалился наружу.

Как оказалось, в вино подмешали сильный яд. Кто и зачем - я не знаю, виночерпия допросили, но он всё отрицал. После допроса его увезли в Гилеад, и больше я его не видел. Отец же после этого случая стал странно на меня смотреть, оценивающе, что ли. Словно бы у него разом открылись глаза. Потом уехал надолго, а вернулся с высоким хромым мужчиной, чей взгляд проникал прямо в душу. Я пытался выдержать его, но не смог, а мужчина вдруг негромко рассмеялся, и мне отчего-то стало тепло. Мне шёл девятый год.

Этого человека звали Ванней.

Тогда он пробыл у нас недели две. Я сразу привязался к нему, и в чём-то он стал мне ближе отца. Смутно я понимал это, но осознание пришло позже, уже во время обучения. Мы вместе ходили в лес, где я знал тайные тропы, на озеро, блестящее, как рыба чешуя. С берега, поросшего вереском, открывался вид на далёкие северные горы, таявшие в сизой дымке; я мечтал о том, что пройду испытание и стану подмастерьем, и мне поручат вылазку к ближайшему ущелью. В тех краях было беспокойно, и странные вести доходили до нас: будто бы там появился один из Тринадцати, и Колдовская Радуга опять ожила. В незнакомых мне названиях крылось что-то зловещее.

В один из дней Ванней взял меня с собой, не сказав, куда. Мы пришли на старый, изъеденный ветром утёс, который клином вдавался в озеро. Я и сам любил там бывать, Ванней же словно знал об этом. Мы поднялись на самую вершину, плоскую, нагретую солнцем, в трещинах камня прятался мох и блёстки слюды. Отсюда открывался великолепный вид на озеро, лес и горы; мой дом детской игрушкой прилепился к склону холма, нитка дороги вела от него в деревню. Всё вокруг отливало золотом, дорожка из солнечных бликов уводила в никуда, и ветер шептал мне о своих тайнах. Мы сели на камень, сложив ноги крест-накрест (*по-охотничьи*, как говорили старшие), и Ванней велел мне закрыть глаза и прислушаться к себе.

Останови мысли и слушай сердце, вот что он сказал.

Я сомкнул веки. В пурпурной их темноте мерцали прозрачные фигуры. Я следил за ними и думал о брате, который в это лето не приехал домой, о жеребчике, ждавшем меня в загоне, о родителях, о друзьях, о том, как весной меня первый раз взяли на медвежью охоту, и ещё... но слова Ваннея эхом отдались во мне. Я сфокусировался на них, замедлив дыхание, и ждал, пока они не потеряли всякий смысл, не превратились в такие же фигуры, знаки, рябь на глади сознания. И в тот же миг она исчезла, а я вдруг ощутил себя частью мира - не муравьём, впаянным в янтарь, но свободным, как солнечный свет. Я увидел Ваннея, сидящего рядом, наши сердца бились медленно, в унисон Силе, струящейся сквозь нас, сквозь всё сущее. Так прошла целая вечность, а потом я открыл глаза. Я был таким лёгким, что мог бы полететь, ступив на крыло ветра; восторг переполнил меня, и я пошёл к пропасти, как сомнамбула.

Ванней успел схватить меня за руку; он держал меня так же крепко, как я когда-то держал брата. Позже он рассказал мне, что я провёл вне времени два с лишним часа, и что такое случается с теми, кто только начинает медитировать и вдруг осознаёт единство всего и вся; они ещё не умеют управлять собой после выхода из транса, и порой совершают странные поступки - с точки зрения тех, кто смотрит на них со стороны. Впрочем, на его памяти разделить *кхеф* с миром в самый первый раз редко кому удавалось.

Мы вернулись домой, и никто ни о чём не узнал. Поутру Ванней собрал вещи, попрощался и уехал; в следующий раз я увидел его через год с небольшим, на Полную Землю, уже в Гилеаде. Но, перед тем как сесть на коня, он снова посмотрел мне в глаза, и на этот раз я не отвёл взгляд. Грустная улыбка озарила его лицо, он взобрался в седло и тронул коня. Он ни разу не обернулся. Я побежал к утёсу, запыхавшись, взлетел на него, и увидел вдалеке маленькую чёрную точку, которая быстро двигалась по Южному тракту.

Я так и не стал стрелком. Роланд переиграл Корта, потом на путь вступили ещё четверо - верное число для *ка-тета*. Жами был их *дино*; он погиб при осаде Гилеада, так же, как и наставник. У него не осталось учеников.

Помню долгую дорогу до столицы, подводы, чередой идущие нам навстречу, постоянные дворы, забитые до отказа. Мы добирались до Гилеада добрых пять дней, миновав Полную Землю в пути. Урожай в том году был скудным, земля словно отдыхала после нескольких тучных лет; но ярмарка удалась на славу, мы с отцом попали в самый её разгар, и она оглушила меня, затянула в шумный людской омут.

Мы въехали в город через Южные Врата; стражи отдали честь отцу, не спросив подорожной - всех стрелков знали в лицо. Копыта коней выбивали искры из брусчатки, и гулкое эхо металось между высоких каменных стен домов. Мы ехали не торопясь, кони устали после долгой дороги, и спешить было некуда: нас ждали к обеду. А вечером, как сказал отец, во дворце давали бал, он нарочно рассчитал время. Но до вечера оставалась целая вечность, а пока я ехал, покачиваясь в седле, и глазел на оружейные лавки, в которых торговали арбалетами, палашами и алебардами; в одной из лавок хозяин выставил напоказ старую бронзовую кирасу, позеленевшую от времени, с пулевым отверстием в области сердца. Потом пошли торговые лавки с игрушечными паяцами на

лесках, писчей бумагой с гербом Гилеада, свечами цвета слоновой кости и украшениями из чистого серебра. Отец рассказывал мне об этих удивительных вещах, да и о многих других, так что я легко определял теперь по вывескам, где продаётся мех, а где - наряды для знати.

От улицы, на которой могли бы разъехаться две кареты в ряд, в обе стороны уходили узкие переулки. В них, казалось, никогда не заглядывало солнце: крыши, как кроны, давали густую тень. В тенях прятался соблазн, узкие подворотни, бродячие коты; но воров в столице извели подчистую, и приезжий люд мог без опаски ходить в весёлые кварталы и харчевни, занимавшие юго-восточную часть города. Правда, поговаривали, что в последнее время там стали пропадать женщины (я понял, *какие именно*, много позже), но тогда отец лишь скупно пересказал мне городские слухи. Как бы предупреждая, что ночной город - поле для игры в Замки, с правилами которой я пока не знаком. Я почувствовал опасность, скрытую в недосказанных словах, как в уличной тени, и промолчал.

Мы поехали дальше; каурый жеребчик подо мной заметно сдал за последний переход, но держался молодцом, будто почуял, что скоро его ждут и вода, и сено. Иногда он косил на меня глазом, и всякий раз я подмигивал ему – у нас была такая игра, о ней не знал даже отец. По бокам улицы прибавилось празднично разодетого народа, у девушек в волосах виднелись пёстрые ленты, а парни щеголяли в расшитых камзолах. Все они шли по направлению к центру города, вливаясь из переулков в общий поток, на Главную Площадь, где и была сама ярмарка; а в квартале от неё находился Зал Предков, там проводили конкурс загадок. Он уже прошёл, и в душе я жалел об этом; но вскоре мне стало не до того.

Людей вокруг становилось всё больше, и скоро они совсем запрудили улицу; отец хотел было свернуть в соседний переулок, но перехватил мой взгляд. Улыбнулся в усы привычной, родной улыбкой, и направил своего чалого к таверне на стыке домов. Оставлять животных в городе на привязи было запрещено, но для стрелецких коней нашлось место: отполированная до блеска коновязь. Служка закинул удила на коновязь, завязал двойным узлом и пошёл за кормом на задний двор; я этого уже не видел, меня манила площадь, откуда доносилась музыка, и нестройный шум голосов, и песни, и барабанная дробь.

Отец шёл впереди, держа меня за руку. Он не раз бывал на столичной ярмарке и знал, где находятся торговые ряды, где фокусники веселят горожан, а где проводят конкурсы танцев. Вокруг бурлила толпа, мы с трудом протиснулись сквозь неё – так повелось, что веселья на ярмарке всем доставалось поровну, и стрелки вели себя, как обычные жители Гилеада.

Миновав ряды с рыбой из восточных феонов, с мёдом и воском из северных, с загонами для лошадей из западных, мы вплотную подошли к центру огромной площади. Там, как дубина невиданного великана, над людским морем возвышался длинный, до небес, шест, а наверху его виднелось колесо. У самого верха шест был смазан гусиным жиром, на колесе же болтались призы и ленты, и сладости, и прочие подарки. Подбадривая друг друга, молодцы из толпы подходили один за другим к шесту. Поплевав на ладони, они лезли на шест, но никто пока не поднялся до самого верха. Наконец один из них, в кожаных перчатках, добрался до колеса и, совершив немыслимый кульбит, ухватился за него рукой. А другой спокойно достал из-за пояса что-то, блеснувшее на солнце (снизу было не разобрать), стянул с обода первый попавшийся кошель и прыгнул вниз. По толпе пронёсся вздох изумления и страха, но смельчак уже стоял на земле, цел и невредим. Он

зацепился за обод кошкой, спрятанной за поясом. Парня бросились качать на руках, люди смеялись и хлопали друг дружку по плечам. А я стоял, открыв рот, позабыв и о бале, и о прочих чудесах, ждавших впереди.

Чудеса и правда ждали меня. Тогда я и помыслить не мог, что всё закончится именно так. Я лежу и вспоминаю Маргарет, её льняные волосы, ямочки на щеках, когда она улыбалась, зелень её глаз (цвета травы на Спуске), в которых я таял и исчезал, растворялся целиком. Мы расстались недавно, но кажется, что прошла уже вечность; я знал, что так будет, и всё равно был с ней, и не сказал, не предупредил; я вижу её во сне, она тянет ко мне свои руки, падая в пропасть, а я смотрю на неё и не могу шевельнуться. Наверное, лучше бы мы и вовсе не встретились тогда, в суматошный ярмарочный день; я не знаю. Знаю только, что я любил её больше жизни, и не меньше, чем Роланд свою Сюзан. Они с Катбертом никогда не принимали меня до конца всерьёз, только мой дар. Моё проклятье.

В тот раз мы с отцом посмотрели и на фокусников, и на танцы, обошли всю ярмарочную площадь; задержались у оружейной лавки, где он купил мне кинжал. Северные феоды славились своей сталью, её добывали в горах и по реке сплавляли оружие в столицу. Отец сказал мне тогда несколько слов, я смутно помню, каких именно; но суть осталась в моём сердце, как крупички золота в лотке среди песка дней. *Будь таким же прямым и стойким, как этот клинок*, вот что он мне сказал. И я рос, и клинок оставался со мной, я ранил им и убивал, он пил кровь и возвращался в ножны. И я старался помнить лицо своего отца.

Настало время уходить; близились сумерки, людей на площади стало меньше, закончились танцы, чтобы начаться снова поздним вечером при свете факелов. Мы не спеша направились в сторону той улицы, где оставили коней. Отец что-то говорил мне, но я не слушал; сердце вдруг забилось чаще, и, подходя к таверне, я ощутил во рту привкус страха. Беда была рядом, а я не знал, где, и от этого на душе становилось тошно.

И когда это чувство достигло апогея, а вкус железа во рту стал нестерпимым, я вспомнил Ванню, его лицо, озарённое улыбкой, как вспышкой молнии; его слова там, на утёсе. И вызвал то ощущение в себе, опять шагнув в бесконечную великую реку.

...мальчик, лет десяти, но крупный, с соломенными волосам, стоит посреди мощёной улицы, неподвижно, как статуя, вокруг него идут люди, словно не замечая, высокий усатый человек с кобурами на бёдрах стоит рядом с ним, по-прежнему держа за руку, и ждёт; губы мальчика шевелятся, глаза закрыты, глазные яблоки под веками движутся, как во сне, он ищет цель, как настоящий стрелок, кем ему не случится стать, но он ещё не знает этого, а знает, что должен кого-то спасти, и беда уже близко; он стоит и ждёт, натянутый, как струна, и едва вибрирует от скрытой силы, струящейся сквозь него; и внезапно срывается с места и летит, летит вперёд, глаза открылись, внутренние глаза его сердца, он бежит наперерез к соседнему переулку, из него выходит девочка с бантом в льняных волосах, а из-за поворота вылетает карета, и кони несут, их не было слышно из-за шума толпы, слышатся стоны раненых, а мальчик бежит, он толкает девочку вбок, из-под копыт и колёс, несущих смерть, и накрывает её своим телом, а потом видение гаснет

Мэг навещала меня тогда, в больнице. Я пришёл в себя только на вторые сутки. Отец дежурил у изголовья, пропустив из-за меня всё торжество. Но было ясно, что он гордится мной, глаза его сияли от счастья. Скупой на похвалу, он остался верен себе и в тот раз. Но мне и не надо было слов, теперь я слушал сердцем.

Мы с ней любили друг друга. Я учился на подмастерье, Ванней много дал мне, он развил моё чутьё и поддерживал на тропе; мы встречались с Мэг не так часто, как хотелось бы; сначала гуляли вместе по улочкам в центре города, выводящим нас в неожиданные места; несколько раз я вступился за неё перед мальчишками. Потом были первые поцелуи, но мы были ещё детьми, хотя и хотели друг друга. Я казался себе неловким, и до поездки в Меджис мы делили кхеф только во снах. Она стала водоразделом.

Я впервые убил человека и узнал женщину в тот год, когда Роланд покинул нас. И то, и другое по силе оказалось равным – две половинки одного целого, любовь и смерть, ключи от дверей в неизвестное, за которыми скрыта тайна. Но любовь была слаще, и сладкими были поцелуи, когда мы наши языки касались друг друга в трепетном танце, а тела переплетались, становясь единым двухголовым существом, *андрогином* из древних книг, которые я читал *взахлёб* - летними ночами, когда цикады трещали за стенами сада, и осенними, когда лужи схватывал лёд, и зимними, когда в камине глухо гудело пламя.

А потом старуха *ка* схватила моё счастье скрюченной узловатой рукой, и оно лопнуло, словно яблоко под прессом в винодельне, где готовят по осени грэф. Закатилось счастье, как солнце за горизонт, сгнуло в ночи; может быть, и к лучшему, мне больно говорить эти слова, произносить их растрескавшимися губами вслух (*а они падают на земляной пол, как бронзовые монеты, и утопают в пыли*). По крайней мере, я утешаюсь тем, что Мэг не увидела падения Гилеада. У меня не осталось надежды, только кошмарные сны и друзья, мой *ка-тет*, который я никогда не предаю, как предал её тогда, на обрыве, я не смог её спасти, я гнал от себя видение прочь, и когда она выскользнула у меня из руки, время опять остановилось, и я успел заглянуть в её изумрудные глаза, в последний раз, и в них была любовь, а больше я ничего не успел.

я скачу в ночи не видно ни зги я должен успеть я знаю что должен успеть и передать им что их ждёт я видел своими глазами солнце в зените и обелиски и наёмников как муравьи облепивших склон и горстку стрелков у отвесной скалы я видел их так же чётко как до сих пор вижу её глаза я должен успеть а за обрывом я увидел нечто большее невообразимо большее проклятие роланда пурпурный вихрь и тень от башни накрыла полмира и звон колоколов *тодэша* разрывал мне перепонки он будет ходить по кругу и забывать и снова пускаться в путь это страшнее смерти я должен успеть и успею осталось немного полтора колеса не больше вот и лощина где они встали на ночь мне что-то снилось под утро не помню этой ночью мне вряд ли приснятся сны слишком уж я устал здесь у леса должен быть бивуак но я не вижу огней неужели мой дар подвёл меня я подгоняю коня его взмыленные бока ходят ходуном мы летим к просеке тень деревьев близка тут луна выходит из-за туч светит в прореху мертвенным светом и я вижу две тёмные фигуры высокие закутаны в плащи шляпы на головах и слышу грохот револьверов прежде чем узнаю их в лицо и ещё успеваю вспомнить свой сон и семь слов сверкавших во мгле а после она охватывает меня и уносит по реке бесконечной реке вдаль